

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО: ОПЫТ ВЫЖИВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ССЫЛКИ И ДЕПОРТАЦИИ***М.А. ТЕКУЕВА**

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com*

М.Х. ГУГОВА

*Институт гуманитарных исследований
филиал ФГБНУ «Федеральный научный центр
«Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: gugowa@mail.ru*

Е.А. НАЛЬЧИКОВА

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru*

Т.В. БИТОКОВА

*ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
360004, КБР, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173
E-mail: bittoma7@gmail.com*

Аннотация. Цель статьи – выявление механизмов воспроизводства и трансформации ментальных и поведенческих аспектов традиционных этносоциальных практик в экстремальных условиях ссылок и этнической депортации народов Северного Кавказа периода войны, затронувших многих кабардинцев и всех балкарцев. Основными источниками, на которые опирается исследование, стали устные истории, интервью и полевой материал, записанный авторами в 2007-2017 гг. Микроисторический анализ дает возможность восстановить детали повседневной жизни и эмоциональный фон эпохи. Гендерный подход к предмету изучения позволяет определить границы экстремального и повседневного в период вынужденного переселения. Основным выводом видится в следующем: политика власти в отношении отдельных репрессированных семей и целых народов Кавказа, сосланных в Сибирь и Среднюю Азию, несла для них также угрозу потери этнической идентичности. Этого не произошло благодаря, в том числе, женской консервативности, женским практикам адаптации к новым условиям существования, их стремлению к сохранению ментальных установок.

* Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «Этнография смерти: этнокультурные взаимовлияния в повседневной практике полиэтничного населения Северного Кавказа», проект № 17-01-00147а

Ключевые слова: женщины; женская повседневность; отношение к смерти; ссылка; депортация; практики выживания; Северный Кавказ; кабардинцы; балкарцы.

EXTREMITY AS EVERYDAY LIFE: THE EXPERIENCE OF SURVIVAL IN CONDITIONS OF EXILE AND DEPORTATION

M.A. TEKUEVA

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: tekuevamadina@gmail.com*

M.H. GUGOVA

*Institute of Humanitarian Researches
filial of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center
«Kabardin-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»
360000, KBR, Nalchik, Pushkin st., 18
E-mail: gugowa@mail.ru*

E.A. NALCHIKOVA

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: elenalchik@yandex.ru*

T.V. BITOKOVA

*FSBEI HE «Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov»
360004, KBR, Nalchik, Chernyshevsky st., 173
E-mail: bittoma7@gmail.com*

Abstract. The purpose of the article is to reveal the mechanisms of persistence and transformations of mental and behavioral aspects of traditional ethno-social practices in the extreme conditions of exile and wartime ethnic deportations of North Caucasus peoples, many of kabardins and all of balkars among them. The main sources on which the research is based are oral narratives, interviews and field materials collected by the authors in 2007-2017. Microhistorical analysis provides an opportunity to restore the details of everyday life and the emotional background of that time. The gender approach to research subject makes it possible to determine the boundaries of an extreme and everyday in the period of forced relocation of peoples. The main conclusion is the following: the state policies towards individuals, families and the whole peoples of the Caucasus, exiled to Siberia and Central Asia was bearing for them the danger of losing their ethnic identity. But it had not become the case due, among other things, to female adaptive practices in the new conditions and their ability to preserve mental attitudes.

Key words: women; women's everyday life; attitude towards death; exile; deportation; survival practices; North Caucasus; kabardins; balkars.

Актуальность. Практика массовых насильственных переселений, ссылок и перемещений сопровождает советскую историю 1920 – начала 50-х годов. Она затронула десятки миллионов людей, поэтому не уместится только в сферу государственной политики, а носит характер самостоятельного социального явления. Это явление имело и ярко выраженный этнографический аспект: группы семей и целые народы со специфическим укладом жизни, этническими установками, особенностями сознания насильственно перемещались в иную культурную среду. Множество вынужденных переселенцев оказались в местах, значительно удаленных от дома, с непривычным климатом и рельефом, с чуждым укладом жизни, непонятным языком. Объективные сложности адаптации к новой среде усиливались бесправным социальным положением, материальными трудностями, глубокими эмоциональными тревогами и личными трагедиями. Репрессивная политика государства изучается в рамках политической истории страны, ей придается всеобщий, массовый характер, но человеческое измерение истории репрессий требует нового антропологического осмысления с использованием гендерного подхода.

Первые этапы репрессий против «социально чуждых элементов» – осколков княжеско-дворянского сословия и «кулачества как класса» – сменились масштабными действиями, направленными против целых народов. Наиболее незащищенными жертвами государственного насилия оказались старики, женщины и дети. Их жизнь в ссылке, выработка механизмов выживания, поиск всех возможных средств к существованию, обустройство быта, забота о потомстве заслуживают пристального исследовательского внимания, так как ответы на эти вопросы позволят не только восстановить объективную картину прошлого, но и обогатить ее представлением ментальных, этнопсихологических и культурологических измерений.

Цель исследования – выявление механизмов воспроизводства и трансформации ментальных и поведенческих аспектов традиционных этносоциальных практик в экстремальных условиях выселения. Анализ осуществляется на материале свидетельств об опыте выживания ссыльных и переселенных из Кабардино-Балкарии в Сибирь и Среднюю Азию. Упрощенно хронология массовых выселений представляется двумя большими этапами, первый из которых начинается в конце 20-х гг. – время «классовой борьбы», а второй – в 1943-44 гг. – проведение этнических депортаций.

Обсуждение. История первого обозначенного этапа не получила должного освещения в научной литературе. Резкий подъем общественного внимания к теме репрессий наблюдается с конца 80-х гг. прошлого века. Однако основная масса статей и выступлений носит публицистический, мемуарный, обличительный характер.

Информативным источником для изучения этого периода может стать «Книга памяти жертв политических репрессий в Кабардино-Балкарии. 1920-1941» [13]. Она составлена на основе архивных материалов ФСБ Кабардино-Балкарии и включает более пяти тысяч персоналий, ставших жертвами сталинского режима в период с 1920-го по 1941-й год. Сборник составлен по

административно-территориальному принципу и включает сведения о репрессированных, проживавших на момент ареста на территории Кабардино-Балкарии. В них отражены биографические данные, место жительства и работы, должность, даты ареста и вынесения приговора, мера наказания, формулировка обвинения, даты расстрела или освобождения, реабилитации.

На основе осетинских материалов издан мартиролог, составленный в алфавитном порядке и хронологической последовательности. Книга содержит также очерки о выдающихся общественно-политических деятелях из этого списка и фотодокументы [14; 15].

Это наиболее полные источники по заявленной нами проблеме. Специальных аналитических исследований о репрессиях 1920-х годов в Кабардино-Балкарии нет, однако, в работах, посвященных истории крестьянских восстаний 1928-1930 гг., содержатся общие статистические данные об участниках событий, сведения о зачинщиках, мерах наказания в их отношении [1; 10; 18; 21].

В отличие от первого периода история депортации народов Северного Кавказа в 1943-1944 гг. на протяжении десятков лет продолжает вызывать острый публицистический и научный интерес в связи с особым драматическим характером событий. Тема выселения балкарского народа, например, нашла отражение в ряде научных публикаций, посвященных отдельным аспектам проблемы этнических репрессий [4; 8; 20; 19; 22]. В них дается анализ причин выселения, рассматриваются социально-экономические условия существования в ссылке, влияние репрессий на национально-культурное развитие балкарцев, публикуются статистические данные, документальные свидетельства, раскрываются проблемы реабилитации народа. Однако за пределами внимания остались вопросы повседневности: индивидуальные драмы, тревоги, женские судьбы, проблемы социальной адаптации и т.д.

В контекст изучения истории репрессированных, их жизни в экстремальных условиях включается тема женского участия в войне, которая представляет особую область гендерных исследований [6; 7; 8; 9].

Методы. Следует отметить, что для анализа проблемы в ракурсе истории повседневности весьма плодотворным может стать гендерный подход, позволяющий «увидеть» детали повседневного быта, не учитываемые социальными историками, такие как эмоциональные переживания, нюансы отношений, трансформации половых ролей, влияние гендерных различий на формы и возможности адаптации и выживания [7; 16] и т.д. Поэтому главным источником для нас стали нарративные материалы, максимально высветившие эти аспекты.

Результаты. Начало репрессий в Кабардино-Балкарии пришлось на 20-е гг. прошлого века. Они оказались направлены на представителей бывших привилегированных сословий, среди которых численно преобладающими были не социально активные мужчины, а члены их семей. Главы же семейств или погибли в гражданской войне, или эмигрировали, или были расстреляны. Но их вдовы, жены, дети и родители становились жертвами карательного аппарата. Эти категории кавказского населения при определенном материальном

достатке и высоком социальном статусе были в подавляющем большинстве неграмотными, что обуславливалось отсутствием собственной письменности, женских образовательных учреждений и главное – традиции получения книжного знания, как светского, так и религиозного. Существование женщин, ограниченное территорией усадьбы, традиционным мировоззрением и языковым барьером, не располагало к адекватному восприятию трансформационных процессов смены политического строя, кардинальной ломки социально-экономических основ общества, борьбы с привычными идеологическими установками. Растерянность и тревожность в отношении революционных преобразований сменились сильным социальным стрессом, вызванным страхом ссылки и неопределенностью будущего. Более 15 тысяч человек: бывших князей и дворян, кулаков и «подкулачников», опальных борцов за советскую власть, представителей интеллигенции и т.д., – были репрессированы в 1920-30-е годы.

Вторая волна массовых репрессий приходится на период Великой Отечественной войны. Война стала генератором гендерного сбоя привычных половых ролей, происходившего на фоне трансформации традиционной культуры у народов Северного Кавказа. Но для балкарского народа экстремальность военного времени критически обострилась в связи с принудительным переселением в Среднюю Азию. Тяготы военного времени, переживания за жизнь фронтовиков – мужей, отцов, братьев и сыновей, нарушение традиционного порядка вещей, резкая трансформация статусов усугубились болезненной сменой климатических и социально-экономических условий существования этноса.

Однако следует отметить характерное отличие первого и второго этапа репрессивной политики в республике. В 20-30-е гг. репрессии осуществлялись выборочно, члены семей «врагов народа» разводились по разным тюрьмам, ссылкам и детским домам, родственные и социальные связи рвались, как и связь с родиной. В 1940-е годы депортации совершались в одночасье, массовое переселение не означало полного разрыва с родственниками и родным языком, благодаря компактному расселению балкарцев.

Балкарцы входили в число народов, целиком выселенных за пределы своей территории в годы Великой Отечественной войны. Осенью 1942 г. западные районы Северного Кавказа были оккупированы германскими войсками. Немцы установили там местные формы ограниченного самоуправления в виде национальных комитетов. Невзирая на незначительное число коллаборационистов, в ноябре 1943 года было положено начало поголовному переселению «народов-предателей» Северного Кавказа. Первыми в течение двух дней были выселены карачаевцы – 69267 чел. (15980 семей); в том числе – 12500 мужчин, 19444 женщин, 36670 детей были погружены в эшелоны товарных вагонов и отправлены на восток страны. 8 марта 1944 г. были выселены 37713 балкарцев. Из общего числа выселенных 52 % составляли дети, 30 % – женщины, 18 % – мужчины: инвалиды войны и глубокие старцы [12, с. 213].

Онтологическим метакодом балкарского этнического сознания является вертикаль – горы, создающие, по образному выражению З.А. Кучуковой, ментальный «пояс безопасности» [17, с. 32]. Утрата его, безбрежность степных горизонтов, отсутствие «опоры» на генетически привычный ландшафт привели к потере пространственных и духовных ориентиров, общей деморализации. Продолжая по Г. Гачеву «баграми метафор ловить явления духа» [5, с. 48], приведем здесь поэтические свидетельства «фантомных болей» у поколения, рожденного в изгнании: «И в песчаные степи пришел рассвет. / Шла-шла и устала душа / Спиной почуяв родную скалу, / Горец захотел прислониться. / Но здесь ни камня, ни горы. / Упал в степи (на равнине) горец» [3, с. 32].

Изменение внутренних и внешних обстоятельств жизни в ссылке, непривычные природно-климатические условия, чуждое окружение и бесправный социальный статус вели к крайним физическим и эмоциональным реакциям. Смерть для ссыльных становилась повседневным явлением. Суммарно за 1945-1950 гг. смертность почти вдвое превышала рождаемость. Документы свидетельствуют, что до 1948 г. шло их прямое вымирание [2, с. 118]. К апрелю 1954 г. из их числа умер почти каждый четвертый – 23,7% [2, с. 124]. В одной из справок о положении спецпереселенцев в Казахской ССР в ряду причин смертности среди депортированных указываются массовое распространение заболевания тифом и недостаточность продовольствия, но главной причиной обозначено: «Коренное изменение климатических и бытовых условий, что особенно сказывалось на стариках и детях, за счет которых главным образом и происходила смертность» [2, с. 90].

В принципе, смерть в культуре всегда является частью повседневной жизни. Но в традиционном обществе обыденность смерти проявляется в установившихся ритуальных практиках. Отклонение от привычного порядка обрядовых действий, усугубляли депрессивное состояние людей, оказавшихся в экстремальной ситуации.

В результате социокультурной депривации особенно у пожилых развивался страх смерти и погребения на чужбине. Показательна в этом контексте история с Цацуной Лафишевой (записано в 2016 г., г. Нальчик). Она страдала от разлуки с родиной и боялась смерти в чужом краю, в Узбекистане. Ее родные воспользовались неожиданной оказией и нелегально отправили ее в Нальчик. В Кабарде она несколько месяцев скрытно проживала то у одних, то у других родственников, пока кто-то не донес на нее. Внучка Цацуны, Н.И. Лафишева, рассказывает: «Помню день, когда вдруг в поселке поднялся крик, все побросали дела и куда-то побежали. Я побежала за ними и увидела свою старенькую маленькую бабушку, которая, спотыкаясь, шла нам навстречу. Ее конвоировал молоденький солдатик в выцветшей, не по размеру большой гимнастерке с винтовкой наперевес...».

Аналогичный случай с побегом из ссылки произошел с Бурановой Цоцей Касбулатовной (1910 г.р.?, записано в 2012 г., с. Герменчик). В ее ситуации побудительным мотивом для побега стал не страх собственной смерти, а стремление к совершению необходимых действий по поводу смерти сестры, к эмоциональному соучастию в ее оплакивании. Получив известие о сестре, она с

маленьким сыном поехала из Кустанайской области Казахстана домой. Добиралась на перекладных около месяца. Понимала, что пока до нее дошла весть о сестре, похороны давно прошли, что нарушает режим, что не избежать наказания, но упорно продолжала путь. Для Цоцы было важно отреагировать действием на событие смерти, высказать свою скорбь по поводу утраты сестры, и она сознательно шла на, казалось бы, нерациональные поступки, жертвуя собственной свободой. По прибытии в свое селение была арестована НКВД и этапирована в Ташкент, где состоялся суд, который за побег с места ссылки приговорил ее к двум годам тюремного заключения. После этого Цоца была отправлена в Казахстан «на вечное поселение».

Приведенные свидетельства, несмотря на их исключительный характер, демонстрируют, тем не менее, важные особенности национального сознания кавказцев, для которых самым страшным испытанием была разлука с родиной и родными. Болезненная ностальгия по дому и привычному укладу жизни в сочетании с физическими и материальными лишениями вызывали мощный стресс и провоцировали спонтанные действия.

Несколько иная картина складывалась в период массовых этнических депортаций. Так, выселение балкарцев в Среднюю Азию означало утрату исторической родины, но не полный разрыв родственных связей. Тем не менее, лишение необходимых благ и привычных жизненных потребностей, причины социального, психологического, возрастного характера повлияли на дезадаптационные процессы у целого народа. Новая повседневность выходила за пределы нормального существования. Сложности ссылки и опасения за жизнь сконцентрировались в страхе умереть не на своей земле, вдали от родных могил.

Согласно инструкции НКВД СССР о порядке выселения каждому переселенцу разрешалось взять с собой продовольствие и имущество весом до 500 кг на семью. Однако организаторы выселения на сборы давали двадцать минут. Старики, женщины и дети изгонялись из родных домов, в чем были обуты и одеты, без теплых вещей, без продуктов, с небольшим ручным багажом. В пути в необорудованных вагонах от голода, холода и болезней люди массово умирали. «Моя прабабушка умерла в вагоне. Ее тело на одной из промежуточных станций вытащили из поезда и оставили лежать на железнодорожной насыпи», – рассказала преподаватель английского языка Татьяна Ногерова (1970 г.р., записано в с. Каменка в июле 2012 г.). «Мне об этом рассказала моя бабушка. Даже перед своей смертью она горевала, что так и не смогла побывать на том полустанке, где было брошено под откос тело ее матери. Моя мама родилась в ссылке...», – отметила она.

Заболеваемость среди спецпереселенцев была в несколько раз выше, чем среди местного населения. Медицинская помощь оказывалась местными лечебными учреждениями, но добираться туда нужно было от 10 до 50 км. Поэтому большинство из переселенцев умирали, не получив никакой медицинской помощи. По официальным данным, за годы ссылки погибло до 30% депортированных балкарцев. Среди них нет ни одной семьи, не похоронившей в пути, на поселении в Средней Азии и Казахстане своих

близких [4]. Резкое снижение численности населения – прямое следствие депортации народов.

Ослабленные люди не выдерживали голода, климатических условий, каторжного труда, бытовой неустроенности и раньше времени уходили из жизни. Только в Джалал-Абадской области Киргизии с апреля 1944 г. по июль 1946 г. умерло 69,5% от общего количества прибывших сюда балкарцев, чеченцев и ингушей. Вымирали целыми семьями, тем самым, обрывались генеалогические линии. В иных населенных пунктах умерли все переселенцы. Некому было даже их хоронить. Погребение умерших становилось проблемой и для семей, состоявших из одних женщин с детьми. По рассказу Ц.К. Бурановой, ей пришлось одной хоронить родственницу, сосланную в соседний с ней поселок: «Не имея от нее вестей, я поехала к ней и обнаружила ее мертвой... Рядом сидел обессиленный от голода малыш, а другой младенец искал материнскую грудь... Пока я рыла могилу, тело стало распухать. Пришлось расширять могилу... Трижды... Тело пухло...» (записано в 2012 г., с. Герменчик).

В нашем распоряжении оказались воспоминания Светланы Соховой (1937 г.р. из с. Урожайное Кабардино-Балкарии). Она родилась вскоре после расстрела ее отца. 8 марта 1938 года арестовали 27-летнюю маму Хабрацу Шугановну с новорожденной девочкой. Девять лет они провели в Акмолинском лагере жен изменников Родины. Двух старших дочерей должны были передать в детский дом, но бабушка девочек добилась, чтобы их оставили ей. Та из них, которой было четыре года, после разлуки с матерью болела в течение года, перестала разговаривать, но забота бабушки и тети спасли их. Самые тяжелые воспоминания Светланы касаются 19 дней, проведенных в эшелоне, хотя известны ей только со слов матери: «Вагон был разделен на 2 отсека: в один загнали женщин, а во второй унесли детей. В проходе между отсеками находился конвой. Детей приносили кормить 3 раза в сутки; голодные и мокрые, они очень кричали... На третий день пути женщины будто обезумели, стали стучать по стенкам и кричать, чтобы им отдали детей. Несколько раз врывался конвой с криками «лицом к стене», «на колени!» Стреляли поверх голов». Ситуацию изменила одна из женщин-казачек. Ее возмущение и агрессия подняли женщин на бунт, и они добились смягчения режима: когда поезд был в пути, детей отдавали матерям, забирая в «детский» загон перед остановками. Мама нашей информантки с благодарностью вспоминала «казачий характер» зачинщицы бунта и противопоставляла его беспомощности своих соплеменниц. Всего их было четыре кабардинки, четыре адыгейки и четыре черкешенки (абазинки). В лагере всех детей забрали в детдом, отделенный от «зоны» колючей проволокой. Свидание детей с матерями разрешали один раз в три месяца.

Те, кто пережил дорогу и лишения, оказались в огороженных и тщательно охраняемых местах. Так, в течение трех лет депортированные народы жили на казарменном положении. В местах ссылки жизнь протекала в условиях особого, специального режима, определяемого правилами и инструкциями ведомства Берии. Согласно им, все спецпереселенцы, начиная с грудных младенцев,

ставились на специальный учет. Ежемесячно депортированные обязаны были отмечаться по месту жительства в спецкомендатурах и не имели права без ведома и санкции коменданта отлучаться за пределы района расселения. Самовольная отлучка рассматривалась как побег и влекла за собой уголовную ответственность без суда и следствия.

Каждый из высланных имел свой опыт стигматизации и свой опыт адаптации, которые зависели не только от этнической принадлежности, но также от пола и возраста человека. Эти факторы имели решающее значение в вопросе о том, сколько у человека шансов на выживание, для мужчин – с начала войны, для женщин и детей – с начала депортации.

Наиболее уязвимой категорией депортируемых были беременные женщины и кормящие матери. Народная память сохранила немало примеров того, как женщина отказывалась от ребенка, будучи не в силах одной адекватно разобраться в трудной ситуации, не умея приспособить старые практики для иных, экстремальных условий.

Понимая, что репрессии направлены в первую очередь против глав семей, родственники пытались спасти своих дочерей и их детей. Так, например, отец Лестахан Хатковой из абазинского аула Красный Восток, предполагая предстоящий арест своего зятя, настоял вопреки обычаям на разводе своей дочери с мужем и забрал ее с трехмесячным внуком, чем уберег их от ссылки (записано в г. Нальчик в 2016 г.).

Елена Малкондуева (1974 г.р., записано в с. Яникой в сентябре 2012 г.) рассказывала, что ее бабушка решила оставить трехмесячного сына соседям-кабардинцам, так как находилась в ужасе от происходящего и думала, что он не выживет в дороге. Вынужденная разлука матери со своим ребенком во имя спасения его жизни была реакцией на непредсказуемость перспективы жизни в ссылке.

Наш информатор Цоца Буранова, похоронив старшего ребенка в Казахстане, сумела передать младшего сына на попечение сестры в Кабарду.

Разлука с детьми – не самая страшная жертва, приносимая матерями в условиях экстремального существования. Об этом – судьба Цацмы Хубиевой, матери пятерых детей. Ее внучка Фатима Узденова (1965 г.р., записано в с. Учкекен в июле 2012 г.) рассказала, как бабушка, овдовев, работала круглые сутки, чтобы прокормить детей, но поняв, что всех спасти не удастся, стала большую часть еды отдавать старшим детям. Материнское решение спасло троих старших, маленькие умерли. Цацма рассказывала внукам, что много раз стояла в сарае с веревкой в руках, но ее останавливало то, что оставшиеся дети без нее не выживут.

Тем не менее, жизнь во всех ее проявлениях продолжалась и в дороге в Среднюю Азию, и в местах спецпоселений. Организация быта в пути стихийно воспроизводила повседневный традиционный патриархальный уклад. Товарные вагоны, в которых везли людей, были условно сегрегированы по признаку пола. На мужской стороне вагона велись разговоры о судьбах народа и насущных проблемах и принимались решения, на женской – готовили пищу, смотрели за детьми. Роды в публичном месте, в переполненном вагоне, приобретали

экстремальный характер не только из-за недостатка гигиены или отсутствия медицинской помощи, но из-за стыда перед чужими мужчинами, нарушения системы запретов на интимные действия и процессы.

Естественно, рождаемость среди депортированных была невысокой. Только с 1949 г. она начала превосходить смертность [2, с. 118]. Резкая смена климата и сильный стресс влияли на фертильность и вызывали различные болезни. Трудности были связаны не только с привыканием к местному климату, но и налаживанием отношений с местным населением.

Поэтому вопросы: «Как мать могла решиться оставить ребенка на станции или в детском доме?»; «Дать ему шанс выжить под чужим именем или позволить умереть голодной смертью?» – носят риторический характер, ответы на них привязаны к ситуации, связанной с ломкой этнической пространственной модели, дезориентации коллективного сознания, столкнувшегося с угрозой существования народа в целом.

Как видно, тяготы депортации сказались больше на женщинах. Без мужской поддержки они растерялись и не видели путей к спасению. Матери умирали вместе с детьми, отдавали их «в надежные руки» соседей или государства, иногда пытались спасти от голода старших детей, жертвуя младшими. Невозможность выполнения своего материнского долга для них означала и невозможность жить.

Проблемы были связаны и с неготовностью горянок участвовать в общественном производстве наравне с мужчинами. Вообще, выход женщины в публичное пространство традиционно был связан с рядом запретов и ограничений. Этот устоявшийся уклад был нарушен с началом войны, когда женщины были вынуждены выполнять ту работу, которую делали до ухода на фронт их мужчины. В первые годы ссылки, дополнительно к своим специфическим функциям в семье и обществе, они несли новое для себя бремя – главы семьи и основной производительной силы в обществе.

К началу войны, безусловно, преобладала патриархальная модель, и главой семьи всегда был старший мужчина. Так было в мирной жизни, но форс-мажор депортации поменял приоритеты. Вначале мужчины призывного возраста были на фронте, среди ссыльных оставались только старики и инвалиды. Они знали только родной язык, не могли ориентироваться в дороге и по прибытию – на местности, поэтому все вопросы выживания и коммуникации с местным начальством должны были решать молодые женщины. Сфера ответственности горянки расширилась, так как ей пришлось, с одной стороны, выполнять традиционные обязанности – отапливать жилье, стирать, одевать, кормить, с другой стороны, ей приходилось нести ответственность за всех членов семьи, быть главой семьи и материально ее обеспечивать, выполняя роль, ранее принадлежавшую мужчине. Все это было невероятно трудно и требовало выдумки, инициативы, риска, смелости в принятии решений. А «зарабатывать» означало пойти на общественные работы, что для среднего и старшего поколения женщин было совершенно новой ареной. Особенностью советской гендерной системы вообще было сочетание эгалитарной идеологии решения женского вопроса, квазиэгалитарной практики, которая совмещает

политику равенства полов в публичной сфере с традиционными гендерными стереотипами, реализующимися в сфере семьи, быта и интимных отношений.

Социальное продвижение горянки имело следствием и появление новых личных качеств, которые ранее применительно к женщине не формулировались. Это отмечали все балкарки, прошедшие депортацию: за тринадцать лет выселения кавказские женщины стали смелее и независимее, их стали больше уважать в социуме.

Спецпереселенцы работали и жили рядом с людьми разных национальностей. Районы, куда были сосланы депортированные, представляли собой настоящие этнические конгломераты. Это была ситуация вынужденных, но очень активных межэтнических взаимодействий и контактов. Местное население проявляло к спецпереселенцам сочувствие и заботу, старалось облегчить их участь. Всех их объединял труд, и в сложившейся атмосфере ценить людей и выдвигать на работе начали по делам.

Мусуков Ахмат (1942 г.р., записано в с. Хабаз в июле 2012 г.) вспоминал, что у них была большая семья (6 детей) и их очень жалели соседи-казахи: «Помню, я часто пользовался их добротой. Если мне хотелось кушать, то я начинал с независимым видом ходить мимо соседского дома туда-сюда. А сам, в это время смотрел, не увидят ли меня из окна. И вскоре окно открывалось, меня звали и набивали полные карманы чем-нибудь вкусным. Я сам не кушал, а бежал домой и все отдавал маме. Сейчас я понимаю, что почти попрошайничал. Но, думаю, меня извинит то, что мне было 5 лет».

В Указах о выселении не определялся срок пребывания репрессированных народов в ссылке. В ноябре 1948 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о том, что репрессированные народы высланы навечно, без права возвращения на этническую родину. Этим же Указом еще более ужесточался режим спецпоселения, и в соответствии с ним были осуждены тысячи спецпереселенцев, привлекавшиеся к уголовной ответственности не за злостный побег, а просто за выезд без разрешения к своим родным в другие селения. Выход за пределы очерченной зоны поселения расценивался как попытка к побегу. На спецпереселенцев были наложены ограничения по допуску их к педагогической работе и выдвижению на ответственные должности. Ссылные ущемлялись в правах обучаться в вузах, публиковаться в печати, иметь свои очаги культуры.

Массовые ссылки первой волны репрессий и особенно этнические депортации нанесли значительный урон демографической ситуации и национальному сознанию народов республики. Поэтому реальной возможностью сохранения людей и их этнокультуры была повседневная борьба за выживание и воспроизводство традиционных навыков в частном пространстве семьи, той самой униженной, голодной, страдающей, часто – с женщиной во главе. Женский менталитет ссылных определялся такими установками, как неприятие чужого образа жизни, стремление к сохранению семейных ценностей от отношения к родному языку и поддержанию родственных связей до сохранения вкусовых привычек.

Выводы. В результате записанных интервью и устных историй мы реконструировали некоторые стороны повседневности в условиях ссылки, войны и депортации. Анализ ряда материалов позволяет вывести несколько закономерностей.

Первое: история повседневности в ссылке и изгнании по своему существу является женской историей. Это обусловлено тем, что женщины в силу своих физиологических особенностей, эмоциональных реакций и традиционных установок претерпевали больше лишений. Сокращение числа мужчин в семье возлагало на женщин всю тяжесть моральной ответственности за потомство и еще большую физическую нагрузку.

Второе: возможно, именно в эпоху жестокой борьбы за выживание в экстремальных условиях ссылки, войны и изгнания произошел реальный слом патриархальности не только в идеологическом плане, но и на глубоком ментальном уровне. Привычные ежедневные женские обязанности умножились за счет принятия на свои плечи доли мужских проблем и увеличения психологического давления. Роль женщины в экстремальных, близких к катастрофе, условиях рассматривается как решающая сила для выживания.

Третье. Массовые ссылки и особенно этнические депортации были направлены, помимо всего прочего, на деструкцию народа как единой системы. То, что создавалось десятками и сотнями поколений горцев – монолитность, восполненность и востребованность всей парадигмы этноопределяющих функций – было разрушено. Женщины берут на себя ответственность перед обществом за сохранение ментальных основ сознания, как залога миропорядка. Это обуславливалось надеждой на возвращение и востребованность сбереженных духовных ценностей для полноценной реконструкции прежней жизни. Когда опасность отступает, женщины, как правило, вновь отодвигаются на второе и третье место и играют свою традиционную роль в более и менее патриархальном обществе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Айшаев О.О.* Крестьянское вооруженное восстание в Чегемском и Баксанском ущельях КБАО в феврале 1930 года. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2006. – 44 с.
2. Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. 1944-2001: Документы, материалы, комментарии / Авт.-сост. Х.-М.А. Сабанчиев. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. – 227 с.
3. *Берберов Б.* Горец в степи (подстрочный перевод З. Кучуковой) // Заман. – 2006. – 21 января.
4. *Боров А.Х.* Депортация и реабилитация балкарского народа как проблема общественно-политической жизни Кабардино-Балкарии // Исторический вестник. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – Вып. IV. – С. 295-411.
5. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 544 с.
6. *Гугова М.Х.* Женщины Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. – Нальчик: Изд-во КБИГИ, 2015. – 98 с.
7. *Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Женское лицо в зеркале войны (история изучения и новые исследовательские задачи) // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2012. – Т. II. – № 2. – С. 42-44.

8. *Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Стереотипы траурного поведения кавказских женщин в военные годы (1941-1945 гг.) // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой победы). Материалы международной научной конференции / под общ. ред. В. Н. Скворцова. – СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. – С. 200-204.
9. *Гугова М.Х., Текуева М.А., Нальчикова Е.А.* Онтологический опыт депортации: гендерный аспект // Вопросы теории и практики. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – 2016. – №6-1. – С. 71-74.
10. *Дзиев Г.К.* Кровавое лето 1928-го. – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 103 с.
11. *Зумакулов Б.М.* Реабилитация балкарского народа: история, проблемы, решения. – Нальчик: Эльбрус, 1998. – 117 с.
12. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000): учебное пособие / под ред. А.В. Венкова. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2004. – 383 с.
13. Книга памяти жертв политических репрессий в Кабардино-Балкарии. 1920-1941. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2009. – 552 с.
14. Книга памяти жертв политических репрессий. РСО – Алания. – Владикавказ: Иростон, 1999. – Том 1. – 384 с.
15. Книга памяти жертв политических репрессий. РСО – Алания. – Владикавказ: «Проект-Пресс», 2006. – Том 2. – 678 с.
16. *Коновалов А.А., Кумахова З.Х.* Картина мира черкесской женщины XIX в.: методология и направления исследований // Кавказология. – 2017. – №3. – С. 140-154. URL: http://www.kbsu.ru/wp-content/uploads/2017/10/Konovалov_Kumahova_Kavkazologiya_2017_3.pdf (дата обращения: 17.10.2017).
17. *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик: Из-во М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.
18. *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в Кабардино-Балкарской деревне в 20-30-е годы. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 1999. – 272 с.
19. *Сабанчиев Х.-М.А.* Балкарцы: выселение и возвращение. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – 437 с.
20. *Сабанчиев Х.-М.А.* Были сосланы навечно. – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 160 с.
21. *Текуева М.А.* Назир Катханов. Штрихи к политическому портрету // Известия КБНЦ РАН. – 2003. – № 1 (9). – С. 109-124.
22. *Шабает Д.В.* Правда о выселении балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 286 с.